

Дмитрий Вощинин

Варисовки
на
Запотевшем стекле

Андрей Волинин

Зарисовки

на

западном

стечье

189 стр.

ISBN 978-80-87940-06-8

СОДЕРЖАНИЕ

Портрет Купола

Купола

Праздник Пасхи

Кока

Новая жизнь

Отец

Спасский монастырь

Брат Леня

Праздник Успения Пресвятой Богородицы

Эпилог

Северная прелюдия Алжирский ноктюрн

Портрет

«Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста! ...
Так идут державным шагом,
Позади голодный пес. ...
В белом венчике из роз,
Впереди – Иисус Христос»
Александр Блок

Привычным движением Валентин Александрович укрепляет подрамник с холстом на мольберте, берет в руку уголь и мысленно представляет возможные варианты композиции портрета. По его просьбе Николай Александрович проходится по кабинету, делает несколько поворотов головы, садиться в кресло.

- Все-таки стоя, - утвердительно заключает Валентин Александрович. Николай Александрович покорно встает, отходит назад, поворачивается и теперь смотрит на Валентина Александровича своим загадочно-приятным и сдержаным взглядом.

Художник и заказчик портрета - почти ровесники и по характеру очень похожи. Они знают друг о друге, но вот так, воочию, видятся впервые.

Валентин Александрович известный художник, много и не без успеха работает, уже имеет немало талантливых учеников, но всегда скромен, независим, совершенно чужд меркантильности и своей славы. В шумных компаниях богемы предпочитает больше слушать и от этого иногда кажется застенчивым. Одни говорят о нем - «Молчальник», другие - «Трудяга».

Николай Александрович, будучи высокообразованным человеком и являясь первым лицом государства, всегда остается очень деликатным, сдержанным, немногословным, говорит обычно тихо, как бы внутренне отвергая насилие и, если этого не требуют обстоятельства, старается не навязывать своего мнения.

Через несколько минут работы Валентин Александрович, недовольный первым наброском, кладет на холст картон и размашисто продолжает делать зарисовку. Размеры портрета, одежда и строгий стиль исполнения оговорены заранее. Художник в данную минуту с сожалением думает об этом. Он старается найти точку свободы и гармонии

«натуры», которые бы сливались в композиции как можно достовернее. Но все сейчас невыносимо сковывает: шотландский мундир с вычурными клиновыми сборками, необычные для русского глаза, напоминающие рюшки погоны, узковатые брюки, которые явно не соотносятся со строгим стилем портрета. Для слаживания этих деталей художник про себя отмечает необходимость увеличения гаммы темных тонов: яркие краски обманчивы и мешают выразительности. Несмотря на сосредоточенный поиск, лицо Валентина Александровича все это время остается внешне спокойным и уверенным.

Николай Александрович с любопытством рассматривает художника. Плотный низкого роста блондин, одетый скромно, будто с чужого плеча, сутуловатый, кряжистый крепыш, большая голова крепко приставлена к ровным плечам, лицо с крупным носом. Колючий и немного резкий взгляд. За кажущимся безразличием глаз скрывается глубокая внутренняя работа. Он чувствует творческое напряжение художника и что он чем-то недоволен.

Когда жена попросила заказать портрет, Николай Александрович сам выбрал художника. Он слышал о его бескорыстии, независимости, смелости в поиске образов и неординарной способности выражения, внешне скрытых черт характера. Многие даже побаивались его творческой проницательности. Видимо поэтому и он не всегда соглашался выполнять портреты, несмотря на весьма выгодные предложения.

И вот теперь Николай Александрович видит художника в работе. Уже с первых минут общения он ощущает приятное чувство восхищения этим необычным и, как ему кажется, очень чистым и искренним человеком. Он любит находиться в обществе таких людей, и это бывает далеко не часто. Он не испытывает ни малейшего напряжения позирования. Ему нравится эта сдержанность, внутренняя напористость и даже этот колючий взгляд.

Давая согласие на выполнение портрета, Валентин Александрович не был очень обрадован заказом. Скорее отказ казался ему вызывающее неудобным. Его всегда привлекала неординарность, а в данном случае он мало знал достоверного об этом человеке. Слухам же и сплетням не доверял. Но, начав работу, Валентин Александрович даже ощущает положительный импульс поиска и вдохновения: ему импонирует выражение лица государя, его открытый взгляд, деликатная сдержанность, мягкая походка. Он ищет, и пока не находит желанную композицию.

Как всегда в таких случаях этот поиск настойчиво требует понимания внутренних ощущений «натуры»: как воспринял пробуждение, о чем думал за завтраком, с кем говорил перед сеансом, о чем, наконец, размышляет в данный момент.

Николай Александрович, как бы проникаясь мыслями художника, решает заговорить:

- Я понимаю, что мое предложение было несколько неожиданно для вас.

Не прерывая работы, Валентин Александрович ожившим взглядом и небольшим наклоном головы, как бы произносит: «Пожалуй!» И тут же добавляет:

- Но мои портреты, Ваше Величество, не совсем соответствуют придворным нравам и могут вовсе не понравиться.

- Вы очень точно употребили слово «нравы» ... Откровенность сейчас - редкое качество ... По-правде, эти придворные нравы мне тоже не по вкусу... Может быть со мной раскованным...

Художник опять жестом дает понять, что он вовсе не собирается заjmаться.

После непродолжительного молчания Николай Александрович сам пытается раскрыться:

- Обо мне много ходят всяких слухов, но поверьте, каждое мнение - это, прежде всего, сопоставление своего собственного внутреннего рассудка... Что касается меня, ... я хочу быть просто честным христианином...

После непродолжительной паузы он продолжает:

- Скажу прямо, наш двор, в том числе моя мать, считает, что я не достоин своего положения из-за того, что слишком мало делаю для укрепления власти... Она все время напоминает мне фразу одного из первых средневековых теоретиков власти: «Правитель должен удерживать власть всеми способами, невзирая на нормы христианской морали».

Художник молча продолжает делать штрихи, внимательно смотря в глаза государя.

- Вы, я знаю, много пишете пейзажей и портретов в пленере, как сейчас говорят ... Ваша знаменитая «Девочка с персиками» прекрасна... И мне нравятся «Дети» на берегу финского залива... Уж не ваши ли это дети?

У художника так же, как и у государя, в это время уже трое детей.

- Да, это Саша и Юра.
- Дети ближе к Богу, чем мы... взрослые... А окружающая природа помогает проникнуть в душу... Да и сама природа - это совершенство Божие.
- Она - как музыка, Ваше Величество, ... Моцарт – просто живая вода!
- не удерживается Валентин Александрович. Он унаследовал интерес к музыке от отца, профессионального музыканта.

Удовлетворенный ответом Николай Александрович каким-то внутренним чувством радостно ощущает перед собой чистую душу, перед которой ему хочется открываться:

- Да, в истинной музыке дух божества... А в человеке пока совершенства нет... Бог создал его, но не объяснил разницу добра и зла... Отсюда все наши беды и заблуждения...

Через некоторое время Николай Александрович продолжает свою мысль:

- Знаете, Валентин Александрович, я пришел к выводу, что ничто нельзя трогать грязными руками и вообще меньше вторгаться в то, что уже создано... Как сейчас говорят, революционировать жизнь... Это только кажется, что она будет от этого лучше... Пока власть не способна обеспечить благосостояние всем... И власть предержащие его получают за счет угнетения других... Это же не справедливо и не по-христиански!...

Взглянув в глаза художника, Николай Александрович понимает, что собеседник внимательно вслушивается в каждое его слово:

- Я, например, хочу позволить народу участвовать в управлении государством, но моя матушка и брат категорически против... Даже слышать не хотят... Говорят, что это будет равносильно разрушению империи...

После небольшой паузы он задает риторический вопрос:

- А вы знаете любимую фразу Фридриха Великого?

Художник вопросительно смотрит на государя, продолжая свою работу.

- Дипломатия без оружия подобна музыке, без инструментов...

По лицу Валентина Александровича скользит улыбка. Государь продолжает:

- Матушка мне все твердит, что большой почитатель Фридриха - Павел I пренебрег этой важной мыслью.

Николай Александрович в раздумье смотрит в сторону, как бы наедине сам с собой.

- Я чувствую, что мне уготованы жестокие испытания... Одновременно понимаю, что все от Бога... Хочется объяснения... Грехно, но... иногда влечет к пониманию сверхъестественного... Вы были, Валентин Александрович, на спиритических сеансах?

- Нет, не приходилось, Ваше Величество.

- Вы знаете, производит впечатление... Хотя скорее приносит беспокойство и вызывает больше вопросов...

Эта свобода общения, спокойствие, размышления Николая Александровича сейчас открывают художнику едва заметную противоречивость характера государя. С каждой его фразой открывается человек, ушедший, возможно, далеко вперед в своих возврзениях. Мысли его кажутся чистыми, открытыми и близкими. К сожалению, от всего этого, строгая композиция рушится на глазах, и портрет остается безликим. Не оставляя надежды на сегодняшний успех, Валентин Александрович надеется более плодотворно поработать дома и прийти во второй раз с каким-то решением.

- Ваше величество, я полагаю на сегодня достаточно. Да и вы, наверно, устали с непривычки.

- Нисколько, Валентин Александрович... Но... как вам угодно, - доброжелательно соглашается государь.

- Тогда до встречи на следующей неделе... Ну скажем, во вторник, как сегодня, в 10 утра?

- Хорошо!... До встречи...

На следующем сеансе Николай Александрович встречает художника стоя почти в той же позе, которую оставил несколько дней назад. Валентин Александрович тут же понимает, что государь ждал этой встречи, ждал очередного общения с ним.

Хотя решения по композиции портрета не найдено, художник тоже пришел на второй сеанс в хорошем настроении и с желанием работать. Совершенно неожиданно для самого себя он вдруг улыбается и говорит государю о произошедшем случае с ним накануне.

- Иду намедни домой. Вдруг вижу интересное русское лицо: мужик яркий такой, лет сорока, уверенный «бычий» взгляд, рыжие густые волосы, нос орлиный... Остановил его и говорю: «Пойдешь ко мне в натурщики?»

- Отчего, барин, не пойти, коли заплатишь хорошо, - отвечает.
- Обрадовался я: «Экий ты молодец!»
- Я... что... Вот у коня под животом настоящий молодец!
- Каков, шельма! Ваше величество... Все тут при нем: не прибавить, не отнять...
- Да,... русский мужик иногда скажет так,... что ни от одного мудреца не услышишь...
- Неужели, Государь, вам известен русский мужик?
- Я молюсь за него... Хотя лукав, но... многогранен и интересен... В нем есть что-то от Христа... Терпение прежде всего... Он ведь взял на себя тяготы холопства при Иване Грозном, невероятное напряжение строительства и продолжительных войн при Петре, только Екатерина Великая начала думать о нем, как о человеке... Он как-то по своему понимает жестокость... Видимо, через истинную справедливость ... И при этом крепости ему не занимать... А главное - самодостаточен... Сколько в нем прозорливости... ясновидения...
- Такого о мужике, Ваше Величество, я никогда не слышал.
- Николай Александрович это по вкусу:
- Я полагаю, что именно из простого русского народа появится светоч новой философии, который глубоко осмыслит жизнь и отбросит все мелкое... Помните у Достоевского: «Россия сама спасется и весь мир спасет».
- Художник молчит, не возражая.
- Валентин Александрович, скажите по-правде, много ли вы писали мужиков?
- Каюсь, ваше величество, серьезно до него не добрался... После Сурикова, Перова и Репина... даже боязно.
- ...Мужик под силу не каждому... Но... у вас все впереди... Я грешным делом увлекаюсь фотографией и втайне от моей семьи люблю делать портреты простолюдинов...
- После небольшой паузы Николай Александрович продолжает:
- Мы, русские, не видим всего того хорошего, что рядом. Все хотим быть похожими на Запад, а ведь культура западная - захватническая... Вот Византия, основанная на уважении к труду и самопожертвовании ради общественного развития... Так она же тем Западом и уничтожена... Не видим мы мелочности интересов этого самого Запада... Там только с виду все красиво и привлекательно, а внутри ... А когда мы им

уподобляемся... становимся рабами.

Через минуту Николай Александрович в раздумье добавляет:

- Примечательны размышления и наблюдения за иностранцами Ивана Александровича Гончарова в романе «Фрегат Паллада»... Сколько юмора и знания жизни...

- При всем согласии с этим романом о кругосветном путешествии, я, Ваше Величество, как-то легко и свободно себя чувствуя в Париже... Риме. С интересом приглядываюсь к новым художественным формам, самобытным художникам...

- По-моему, ничто так быстро не устаревает, как новые формы... Радость туземца к клочку цветной материи тоже олицетворяет интерес к красоте.

Валентин Александрович искренне удивлен этой реакцией, для него художественная форма - часть профессии:

- Пустоту не скроешь никакой формой и стилем... А новые формы, Государь, в том смысле, что быстро меняющаяся жизнь приносит новые чувства. В этом своя свобода... обновление.

- Интересная мысль!... Здесь я, пожалуй, не в праве вам возражать... А что касается свободы,... вопрос это не простой... Только тогда начинаешь понимать цену свободы, когда у тебя уйма власти... Это как запретное яблоко на Древе Жизни...

Художник вопросительно поднимает глаза.

- Как это ни странно звучит, но только узник понимает цену свободы и знает, за что страдает... Чувство же воображаемой несвободы каждый человек понимает по-своему: одним ненавистны оковы власти конкретных вышестоящих людей, другим консервативные устои, порядки или законы. Это, как в семье: главный кажется угнетателем, а убери его – все развалится. Он не только доминирует, но и помогает и защищает. Если его не понимают, то такой устой долго не продержится... Нам не дано проникнуть в душу каждого и человек далеко не ангел,... а посему у такого рода свободы есть обратная сторона - она освобождает и порок.

- Несвобода даже в мыслях всегда угнетает, Ваше Величество...

Николая Александровича понимали не часто и, как правило, только тогда, когда он был готов соглашаться с навязываемыми ему чужими мыслями. Искренность же требовала особого понимания.

- По-вашему, свобода независима от времени и условий... А мне ка-

жется, глубокое понимание этой самой свободы зависит ...от состояния внутренней гармонии человека.

Почувствовав, что выразился слишком пространно, государь поясняет:

- Мне постоянно подают прошения и часто спрашивают: «Будет ли освобождение евреев в России?»... Но ведь ответ очевиден. Неужели люди не понимают сами?

Валентин Александрович внимательно вопросительно смотрит на государя. Среди художников евреев было не так много, но были среди них друзья, знакомые.

- Да, ваше величество, об этом часто можно услышать в богемных кругах.

- Ну, то, что этот вопрос зудит в богемных кругах, ... мне понятно.

Николай Александрович, повернув голову, смотрит в окно и продолжает:

- А почему простые русские мужики не просят так настойчиво подобного?... Видимо, понимают, что не пришло время... Эти несвободы для еврейского населения или скорее ограничения оседлости ввела Екатерина Великая... Вы знаете, Валентин Александрович, что это за ограничения?

- Конкретно... не знаю.

- Они не строгие: - не допускать к власти, не селить без разрешения в крупных городах, освободить от службы в армии, но на этом они сами настаивали... Вот практически все.

- Не так много.

- Даже очень немного... Терпеть – то они не хотят, как русский мужик... Потому как иудейская вера не признает жертвы Христа... Екатерина была очень мудра... Эти ограничения совпадают с назиданиями Моисея... Она верила, что страданиям русского простого народа наступит конец, и он с его способностями станет обогащаться... Они, по крайней мере, этого достойны!... Именно эти наши православные русские мужики, которые защищают, кормят страну, сеют и пашут, на конец!...

- Но, ваше величество, из числа еврейской национальности люди весьма интересные и производят благоприятное впечатление.

- Это так..., улыбается государь, - Мне не хочется так думать о всех людях этой национальности, но вот к примеру, один еврей-ювелир до-

ставляет Александре Федоровне бриллианты... почти в два раза дешевле, чем в петербургских магазинах... и моя жена, как человек практичный, ему, естественно, благоволит... Но мне-то докладывают, что это благородство оплачивается богачами диаспоры... Известны мне и цели всего этого.

- Несмотря ни на что, Ваше Величество, все граждане страны должны быть равноправны.

- Я согласен, что это должно произойти, ...но не сейчас.

- Вы твердо так думаете, Государь?

Николай Александрович молча продолжает смотреть в окно, будто не слышит. Этот вопрос предмет больших споров с матушкой и братом. После паузы он поворачивает лицо к художнику и тихо произносит:

- Крестьяне безграмотны и мало развиты... Когда русский мужик будет образован и жить в достатке, как евреи, то они, конечно, получат равные права со всеми жителями России.

Ответ производит на Валентина Александровича впечатление.

В глазах государя художник улавливает глубокое внутреннее переживание, и какие-то только ему доступные мысли. Николай Александрович делается молчаливым и через некоторое время тихо, как бы про себя произносит из Евангелия (от Луки):

- «Ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали...»

Художник с интересом слушает государя, но не забывает о работе. Композиция портрета и характер «натуры» по-прежнему не находят общего.

И он, как и в прошлый раз, предлагает закончить сеанс.

На третьем сеансе Валентин Александрович решается открыться:

- Ваше Величество, к сожалению, портрет, который вы заказали, никак не выходит.

- Вы пишете меня, Валентин Александрович, и я с интересом и даже с восхищением наблюдаю за вами. Не считите это за лукавство, но все-таки хотелось бы знать – почему вы считаете вашу работу неудачной? Вас же считают первым портретистом в России.

- Поверьте, ваше величество, таким, как я вас вижу - изобразить в этих рамках не могу.

- Что же вам мешает?

- Ваше Величество, этот официальный костюм. По крайней мере, вы

на этом портрете... не русский император.

- Возможно, вы правы, Валентин Александрович...
- Так иногда случается у художников, Ваше Величество.
- Что же мы скажем Александре Федоровне? Ведь идея этого костюма и этого портрета принадлежит ей.
- Я этого не знал.
- Вы не будете возражать, если мы пригласим ее на сеанс.
- Извольте, ваше величество,- слегка напряженно произносит художник.

Николай Александрович спокойно поднимает трубку телефона.

- Дорогая, как вы себя чувствуете?... Не могли бы вы зайти в мой верхний кабинет?... Я познакомлю вас с Валентином Александровичем... Спасибо, мы ждем.

Кабинет, где работает художник, находится в верхних этажах дворца, куда из внутренних покоев императрицы надо подниматься по крутой железной лестнице, что весьма не просто. Но интерес к работе над портретом, «как дело идет», Александру Федоровну, несомненно, привлекает. Она в свое время проявляла интерес к живописи и брала уроки рисования у немецкого художника Каульбаха.

Войдя в кабинет, императрица сухо здоровается, обводит взором портрет и неожиданно для Валентина Александровича говорит с небольшим акцентом:

- Надо ярче мундир и лицо строже.

Видно, что художника эти замечания коробят, но он старается оставаться невозмутимым.

Николай Александрович улыбается. Валентин Александрович молча отворачивается от полотна, подчеркивая, что он вовсе не придворный художник.

Понимая, что ее замечания остались без внимания, императрица прощается и уходит.

Уход императрицы погружает кабинет в молчание. Пытаясь сгладить замешательство и продолжить налаженный контакт, Валентин Александрович произносит:

- Я, конечно, постараюсь закончить этот портрет... даже выдержу просьбы Ее Величества, но мне он все равно не нравится.
- Вы полагаете?
- Мне бы хотелось сделать второй ваш портрет, немножко поменьше по

размеру... Именно для вашей жены.

- Интересное предложение.

- Мне кажется, Ваше Величество, этот второй портрет поможет ей ... вас глубже понять.

- Вы так думаете?

- Осмелюсь заметить, что Александра Федоровна, как многие женщины, очень категорична... Она, видимо, не представляет, что художник отдает своей картине душу...

- Я вас прекрасно понимаю, Валентин Александрович.

- Ведь если не услышишь что-то сверху,... картина будет пуста...

- Это вы прекрасно сказали... В творчестве должно быть что-то божественное...

- Помните, Ваше Величество, я уже говорил, что картину делают чувства,... а это всегда что-то новое...

- Да, я согласен... в некоторых картинах настолько яркие чувства, что видится даже... невообразимое... Меня поразил у Третьякова «Демон»... Это, кажется, художник Врубель?

- Да, Ваше Величество. Мы вместе начинали учиться живописи. Художник это от бога.

- Я слышал, что он и скульптор оригинальный?...

- Оригинален во всем, ваше величество... Крупные мазки, немного небрежно, неясно, а в целом полная гамма оттенков чувств...

- Да, ...неповторимая красота...

- У нас, как вы правильно заметили, все больше на слуху западные импрессионисты: Матисс, Моне, Ренуар, а Врубель, пожалуй, посильней.

- Вот видите...

- Только яркие чувства сжигают здоровье этого художника.

- А что он болен?

- Одолевают нервные приступы... Видимо, частое проявление чувств... тоже не просто.

После непродолжительного молчания Валентин Александрович произносит:

- Я думал, что у нас сегодня последний сеанс, но если вы согласитесь на второй портрет, который я буду использовать в качестве этюда, ... будем продолжать.

- Я согласен... Вы сказали, что этот меньший портрет будет написан

для Александры Федоровны?

- Я буду стараться, чтобы он понравился вашей супруге.
- Надеюсь на вашу проницательность,...хотя немного прямолинейный характер Александры Федоровны вам не пришелся... по душе...
- Ваше величество, мне приходилось знать и писать многих женщин... Наши мужские души слишком грубы, чтобы понять эти тонкие, нежные создания и в тоже время они могут быть всякими.
- На самом деле в женщине намного больше любви...и они мудрее по жизни... и достойны большей власти над нами...
- Нам, Ваше Величество, трудно их понять, и что они в большей степени любят в нас.
- Да,... это загадка... Они могут возвысить или погубить, причем совершенно не осознавая этого... А что вам кажется, как художнику, на этот счет?
- Мой глаз подсказывает, что они больше всего любят состояние мужского восхищения собственной красотой... И обожают эту власть... А если пойти еще глубже... они обожают власть и в нас в ее любых проявлениях...
- Это интересно...Они мудрее во власти... Ведь недаром Екатерину величают Великою.

- По-моему, ваше величество, Екатерина скорее исключение...Она любила и воспитывала сильных мужчин, которые помогали ей оставаться истинной женщиной в реализации власти. А женское начало, действительно, более стойкое и уверенное в жизни...

Николай Александрович уловил упрек и, видимо, внутренне с ним согласился. Художнику от этих слов остается лишь невинная улыбка.

Именно с этой улыбкой Николай Александрович заканчивает сеанс, снимает шотландский китель и накидывает на себя легкую тужурку Преображенского полка, садится в раздумье с едва заметной грустью за стол и кладет на него руки.

Молниеносно в этом жесте государя Валентин Александрович ловит все то настоящее, что так долго искал. Он быстро берет в руки карандаш и легким росчерком набрасывает на бумаге этот целостный облик с сомкнутыми руками и необыкновенным взглядом царя. Долгий кропотливый поиск не пропал даром: портрет вобрал в себя черты предельной гармонии.

На следующем сеансе Валентин Александрович приходит с новым

небольшим полотном и по рисунку маслом быстро пишет небольшой портрет императора в тужурке.

Написанный удивительно легкой и свободной кистью, маленький портрет царю очень нравится. Валентину Александровичу он тоже импонирует. По проявлению чувств он сильный и насыщенный. Несомненно, этот этюд можно считать отдельной работой.

Поскольку царица иногда заходит в мастерскую и пытается давать советы по ходу исполнения «дела», художник получает согласие государя не показывать его Александре Федоровне до поры до времени, как бы готовя сюрприз императрице.

Доброжелательная атмосфера на сеансах продолжается и раскрепощает обоих. Николай Александрович чувствует, что художник уже не так критичен к строгому заказному портрету, и с интересом спрашивает:

- А каково все-таки отношение к главному портрету... Вы же поставите свое имя под ним?

- Среди классических портретов хотелось бы быть ближе к Карлу Брюллову.

Произведя несколько мазков, Валентин Александрович с улыбкой добавляет:

- Если бы, ваше величество, он был жив, только он бы сделал все так, как желает Александра Федоровна.

- Брюллов, действительно, велик и привлекает своей яркостью...

- У него необыкновенно живые краски... просто зависть берет.

- А что же у вас?

- Мои серы или коричневы, государь, как сапоги, - Внося последние детали в портрет, шутит художник.

Оба доброжелательно глядят друг на друга.

И вот уже закончен основной портрет Николая II в форме полковника шотландских Серых Драгун, но сеансы продолжаются. Александра Федоровна, всерьез заинтересовавшись этим обстоятельством, поднимается в верхний кабинет, когда ее совсем не ждали.

Мужчины чувствуют себя застигнутыми врасплох. В этот момент Валентин Александрович наносил последний мазок на маленький портрет государя.

Императрица с целью разрядить неудобство появления доброжелательно произносит:

- Хорош шотландский портрет.

- А по-моему плох... Вот посмотрите, какой прекрасный портрет мы написали для вас, - показывая на маленький портрет, произносит художник.

Александра Федоровна подходит к портрету ближе, внимательно смотрит, молчит и, наконец, произносит:

- Вы нарисовали то, что губит. Он здесь в мире каких-то своих фантазий ... Ник, пожалуйста, посмотри на меня.

Она берет из ящика с красками кисть и обращается к художнику:

- Прежде всего, уберите руки, зачем они здесь, ... взгляд слишком усталый, ... давайте поднимем выше брови и взгляд в сторону ...

При всем спокойствии Валентина Александровича кровь ударяет ему в лицо:

- Так вы, государыня, лучше сами уж и пишите, ... а я ... готов отказаться от авторства ...

Валентин Александрович кладет в руки Александры Федоровны палитру, как бы предлагая сделать поправки, и жестом показывает, что собственно он теперь не причем.

Николай Александрович по-детски смеется, что крайне возмущает императрицу, которая была уже готова топнуть ногой, но, спохватившись, недовольная сценой твердым шагом резко удаляется из мастерской. Николай Александрович быстро выходит следом за ней, но вскоре возвращается и закуривает. Ему были бы приятны извинения от художника в отношении императрицы, но он понимает Валентина Александровича и воздерживается от замечаний.

Валентин Александрович в силу своего характера не видит оснований для каких либо извинений. Он уверен, что скорее благоволил и даже сочувствовал государю. Художник быстро запаковывает малый портрет, чтобы унести с собой и вставить в раму.

Несмотря ни на что, прощаясь, они пожимают друг другу руки, как друзья.

Николай II с 1894 года является покровителем шотландских Серых Драгун и его законченный портрет кисти Валентина Серова в форме полковника Royal Scots Greys, в качестве дара был отправлен в Великобританию в штаб полка и помещен в Эдинбургский замок, где он находится по сей день и остается воинской святыней. Этот портрет закрыт

для публичных показов и не упоминается ни в одном из художественных каталогов.

Меньший портрет государя в тужурке Преображенского полка был поставлен в покоях императрицы, и в октябре 17-го года во время захвата зимнего дворца толпа матросов уничтожила полотно, оставив на месте глаз пропоротые штыком дыры.

Опасаясь, что императрица захочет «поправить» меньший портрет, художник сделал сразу же его авторскую копию, которая уцелела до наших дней и, находясь в частном собрании, выставляется на международных и национальных выставках.

Этот небольшой портрет является шедевром Серова и отличается необыкновенной схожестью и лучшим изображением последнего Романова. Существуют суждения, что художник якобы польстил государю, но это неправда, так как Валентин Александрович был прежде всего мастером своего дела и очень искренним человеком.

Константин Коровин позднее напишет: «Серов первый из художников уловил и запечатлел на полотне мягкость, интеллигентность и вместе с тем слабость императора...»

P.S.

Портрет Николая II написан в 1900 году, в начале нового века и периода огромных надежд для России.

Но спустя пять лет Российской империя содрогнется от неожиданных событий, которые после 12-летнего цикла приведут ее к краху: в январе император послушает своего брата Николая Николаевича и отдаст приказ о расстреле мирной демонстрации (одной из причин этого события будет появление при дворе Григория Распутина), в мае этого же года после разгрома русской эскадры в Цусимском сражении, будет подписано унизительное соглашение с Японией, потом в 1914-ом начнется Первая мировая, неудачи в которой через три года подтолкнут страну к буржуазной революции*, отречению Николая II от престола и, наконец, после переворота приведут к трагической гибели всей его семьи в 1918-ом.

* первым указом временного правительства от февраля 1917 года с евреев будут сняты все ограничения по проживанию в России.

Личность Распутина удивительно органично впишется в судьбу Николая II.

Русский малообразованный мужик, видящий и понимающий мелочность интриг приближенных министров и царского двора, в одночасье станет политиком. О нем написано много и, в том числе, немало откровенного вранья. Факты говорят о том, что Распутин стал жертвой зависти несостоятельных высокопоставленных особ, ненавидящих простой русский народ. Хотя в его поведении присутствовали элементы авантюризма и самонадеянности, Распутин всегда оставался настоящим христианином, не злобным, умеющим прощать, открытым для любого человека и беспокоящимся за судьбу России.

Николай II будет потрясен его убийством. Трагически царь воспримет и завещание Распутина, основные положения которого окажутся глубоко пророческими:

«...Если меня убьют нанятые убийцы, русские крестьяне, мои братья, то тебе, русский царь, некого опасаться... Если же меня убьют бояре и дворяне, твои родственники, то они не смогут отмыть свои руки. Они оставят Россию. Братья восстанут против братьев, и будут убивать друг друга и не будет больше в стране дворянства... и ни один из твоей семьи не проживет дольше двух лет...»**

***Составлено Распутиным в середине 1916 года в присутствии адвоката Аронсона и передано на хранение митрополиту Питириму.*

Валентин Александрович Серов еще десятилетие будет покорять современников своими полотнами. Истинный искатель новых форм в живописи, мастер театральных образов, костюмов, композиций он будет увлеченным сподвижником Дягилева в реализации неожиданных по художественному мастерству русских спектаклей в Европе и до конца своих дней останется человеком хрустально-чистой души.

Художник скоропостижно скончается от сердечного приступа в 1911 году в расцвете творческих сил и будет похоронен в присутствии огромного числа сподвижников, друзей и многочисленных поклонников на кладбище Донского монастыря рядом с Николаем Васильевичем Гоголем.

Будла

Посвящается моим ушедшим бабушкам, дедушкам, тетушкам, дядюшкам и родителям.

*Концу всегда, как смерти, сердце радо,
Концу земной любви - закату дня.
По совести о нем жалеть бы надо,
Но дан он сверху радоваться для
Зинаида Гиппиус.*

Купола

Косяк крупной сельди набирал мощь, насыщаясь желтым от яркого солнца планктоном. Активно поглощая пищу, скопление рыб вытянулось в длину. Образовавшаяся в водном пространстве линия раздвинула границы косяка: неумолимый аппетит увеличивал его размеры.

Сверкая на солнце, беззаботные и довольные рыбы, с наслаждением нагуливали жир, резвясь в едином сплочении.

Стая дельфинов первая заметила мерцающие вдалеке крупные спины косяка. Превосходя его в скорости, дельфины, играючи, легко выхватывали из сомкнутой массы крупные рыбины. Насытившись, они отстали так же быстро, как и появились. Свободные дельфины презирали островное мелководье, куда волею судьбы несло поток рыбного скопления.

Многоликий пернатый мир береговой живности издалека почувствовал приближение пиршества.

Не имеющий возможности замедлить движение косяк медленно опускался в защитное поле прибрежных водорослей.

Первую дерзкую и ошеломляющую атаку из глубины провели хитрые молодые гагары, неожиданно выхватывая прячущихся рыб почти со дна.

Защитное движение косяка кверху не спасло: тут с еще большей силой его уже беспощадно рвали более слабые ныряльщики - чайки и бакланы.

Косяк сгруппировался в комок и напоминал клокочущий от укусов

шар, готовый как можно быстрее ринуться в открытое море.

Яростный гам пернатых привлек внимание оказавшегося неподалеку кита-горбача, который не упустил своей удачи.

Кажущийся со стороны ленивым горбач провел атаку уверенно и бесхитростно, направив огромную глотку в быстро двигающийся шар.

Остатками живого сгустка расчлененного коварным ударом случайного пришельца косяк стремительным броском в глубину моря вырвался из смертоносной западни.

Потери его оказались невосполнимы на долгое время.

Ярко-красный круг солнца клонился к закату. Медленно и грациозно погружаясь в горизонт темно-зеленого леса, он мерцал искрящимися перьями в воде и отражался в золотом куполе деревенской церкви.

Сверкающая солнечными красками зеркальная гладь старинного озера со стороны дубовой рощи притягивала своей неповторимой красотой.

Поговаривали, что это озеро образовалось давным-давно на месте небольшой церквушки или языческого храма.

Каких-то сотню лет назад здесь веселились со всей широтой русского характера купцы, возвращаясь с ярмарки из Нижнего Новгорода.

Любители погулять порой засиживались до поздней ночи и часто попадали в неприятные истории, о чем свидетельствуют названия поселков по направлению к Москве: Черное и Обираловка.

В хорошем настроении, глядя на могучие деревья, Андрей шел домой после купания. Купался он здесь уже лет тридцать, когда летом приезжал на дачу. Всегда с трепетом ощущал он реликтовый шум этих былинных русских стволов и ласковость мягкой воды. Помнил, как поразила его девственная красота водной глади, окруженной мощными дубами, в первый раз, когда мать получила здесь садовый участок.

Андрей проводил здесь почти каждое лето со своими сверстниками в пору юношества, потом и зрелости и всегда, как и сейчас, ощущал необыкновенную легкость и приток здоровья. Глубоко связывали с этими красотами и жившие рядом люди, работа на собственной земле и многое другое, неподдающееся на первый взгляд осознанию.

Помня эти места еще с пустырей, Андрей шел по знакомой дороге, обращая внимание на выросшие красивые коттеджи на месте первых

безликих дощатых домиков, построенных на скромные сбережения людей прошлого поколения,

Перед последним поворотом на свою улицу - знакомый дом.

Здесь летом обычно живет его родственница, необыкновенно добрый и чистый человек, и подруга ушедшей в иной мир несколько лет назад матери. Несмотря на ее возраст, Андрей всегда удивлялся и завидовал ее глубокому жизнелюбию.

Блеск в глазах и ее мягкая искренняя улыбка всегда притягивали. Завораживали и удивительно понятные, емкие и необычайно образные суждения по осмыслинию жизни.

Заметив движение в доме, Андрей обрадовался и открыл калитку.

Навстречу вышла одна из внучек, и на вопрос: «Дома ли бабушка?» - тихо, опустив печально глаза, сказала: «Бабушка умерла этой зимой».

Андрей оторопел от неожиданности, так трудно было представить себе это событие.

Непроизвольным движением он положил руку на ее головку. Она смутилась и побежала в дом, а он, как в тумане, пошел по дороге.

Машинально пройдя немного вперед, он вспомнил последнюю встречу прошлым летом. Тогда она, сломав ногу, была прикована к постели, но говорила об этом весело со свойственным ей юмором, только жестами напоминая о своей временной скованности. Над кроватью была сооружена перекладина, и она показывала Андрею, как умеет подтягиваться, убежденно объясняя, что эти упражнения непременно помогут срастанию перелома. Больше всего завораживал ее всегдашний вопрос: «Что нового, интересного?» Причем это было совсем не праздное любопытство, а скорее потребность или необходимый для нее жизненный поиск. Она искренне и с участием переживала все его рассказы. То, что показалось бы кому-то фантазией, приводило ее в восторг, и расспросы углублялись с пристрастием. Что-то, казавшееся на первый взгляд несбыточным, притягивало ее с непреодолимой силой. Увлекшись не раз, Андрей порой рассказывал то сокровенное, что даже скрывал от себя. Но после этого рассказа оно становилось уж не таким несбыточным, и поиск его решения поневоле становился предметом реализации.

Вот и тогда в последний раз разговор зашел о современных перестроечных метаморфозах, которые быстро развеяли надежды на скорейшее улучшение жизни в России.

- Каждое резкое изменение нашей жизни своеобразная подсказка: на-

поминание сверху, что сбились с пути. Наша жизнь вовсе не зависит от общественного строя, а только от людей сильных... трудолюбивых и любящих страну... или слабых... алчных и завистливых. И не надо спешить радоваться или впадать в отчаяние - все перемелет время. Самое главное, как мы проведем это время,- спокойно объясняла она его переживания.

- Но как об этом можно говорить спокойно?... Развалилась такая страна!

- Надо всегда быть готовым к собственному голосу России, а это не просто... в нашей жизни.

- Неужели вы верите в мистику?

- Это вовсе не мистика. Россия сильна своими несравненными образами веры и справедливости. Последнее время ей пытались навязать космополитизм, но жизнь показала, что это было ошибкой...Образы православия, несомненно, более сильные, потому что они черпали свою силу в малоизвестных приходах, в одиноких скитах, странствиях... Публичные люди и в первую очередь современные политики, далеко не сильные, а скорее ущербные люди...

- Они вовсе не кажутся такими.

- Раскачивают сложившиеся устои всегда одни и те же: эгоисты, алчные и совсем не трудолюбивые люди, и даже мечтающие о хорошей и счастливой жизни, а такой жизни... в природе нет. Это либо развращенные дети, которые привыкли жить за счет родителей, либо авантюристы, оказавшиеся сверху потому, что не смогли найти себя в конкретной работе и безудержно лезли вверх. Истинная же власть в России принадлежит только людям с высшей мерой ответственности.

Теперешние властолюбцы слабы духом и похожи на тараканов, готовых в любой момент разбежаться в разные стороны с жирными кусками.

- Но их же... выбирали...

- Чем становишься старше, тем понимаешь самое важное в жизни... Не покривить душой перед собой... близкими своими... прошлым... перед людьми, которые доверились.

Я часто вспоминаю свою бабушку... маму... отца... В них было больше силы и воли... из-за искренней веры.

Андрей знал, что она не была верующим человеком, не посещала со-

боры или церковные службы, но связь с православными традициями и обрядами осталась в ней с детства.

На вопрос об отношении к вере в Бога запомнились ее слова:

«Православие неотделимо от России и я впитала его от моей любимой бабушки, папы и матушки, истинно верующих людей. Из моей памяти нельзя вырвать непередаваемую благость золотого блеска куполов стоящей неподалеку от нашего дома Сретенской церкви, ее прозрачного и животворящего звона колоколов. В самые трудные минуты именно эти воспоминания просветляли и обогревали душу. Но это какая-то другая жизнь, которая ушла вместе с далеким детством.

И даже теперешние лица и голоса служителей церкви совсем не те, что посчастливилось увидеть и услышать, когда родители мои были молодые, полные сил и такие красивые».

Андрей не раз сам ловил себя на мысли об этих глубинных истоках. Когда он попадал в храм, многое было непонятно, но соборная архитектура, тихие лики образов, казавшиеся с виду мрачными, надолго оставались в памяти. Особенно сильное воздействие у него вызывала икона Божьей Матери. Никакие идеологии и глубокие размышления не могли заменить ее глаза, кроткие и непобедимые. И он воспринял как что-то похожее и идущее сверху, когда несколько лет назад вот также, сочувственно взглянув, Надежда Петровна тихо, но с твердой ноткой в голосе произнесла:

«Милый Андрюша, попробуйте это описать... Мне кажется, должно получиться...»

Всю свою сознательную жизнь Андрей не слышал от своей матери, чтобы она называла Надежду Петровну по имени и отчеству, а всегда только «Наденька». Так всегда заочно звал ее и Андрей, да и все в его семье, включая пятилетнюю дочь. И это имя мягкое и ласковое подобно тому, как зовут любимого ребенка, несмотря на возраст, удивительно подходило.

Наполненный многочисленными внуками ее дачный дом был похож на муравейник. Она с интересом и неподдельным энтузиазмом ухаживала за всеми. Природная непосредственность, стойкость и безмятежность сохранила ее душу молодой и она продолжала чувствовать себя свободной от старости. Эта позиция прочно существовала в ней в виде

непреклонной истины.

И так естественно звучали ее слова:

«Я уже в довольно преклонном возрасте, хотя его не чувствую. Возвращаясь мысленно назад, всегда ощущаю - все прошло как одна минута. Чувствую себя маленькой девочкой, и открытой для любви девушкой, любящей женой... и матерью...»

Придя к себе, Андрей сел на лавочку перед домом, на которой часто сидели Надежда Петровна с его матерью, и предался воспоминаниям. Она часто рассказывала о себе...

Родилась она на Оке в большой по нынешним временам семье сына купца первой гильдии.

«Хорошо помню себя с очень раннего возраста: наш дом до революции, каждую комнату, обстановку со всеми подробностями... Я старшая дочь в большой семье. Четыре брата и две сестры, которые рождались через каждые полтора года, несмотря на беспокойные времена в стране. Младший брат родился несколько позже, когда мне было уже почти 16 лет».

Рассказывала она мягко и задушевно, слегка задумываясь и улыбаясь и несколько смущаясь обыденности своей биографии.

«Город, где жила моя семья, стоял на высоком берегу судоходной реки. К пристаням товарным и пассажирским подходили красивые белые пароходы, буксиры тащили тяжелые баржи со всевозможными товарами: фруктами, рыбой, мукой, зерном, живым скотом, лесом и астраханскими арбузами. Всем этим был наполнен городской базар, занимавший несколько городских площадей. Такого торгового разнообразия лавок – гончарных, тканых, свечных, шорных, лубочных, изделий из дерева, а также множества рядов с овощами, мясом, молочными продуктами, медом, ягодами и другой обильной снедью я не видела больше нигде за всю мою последующую жизнь».

Слушая ее, Андрей как бы попадал в другой мир - тихий провинциальный, овеянный русскими традициями и всегда становившийся тепло на душе.

«От пристани дороги шли к площадям, расположенным на высоком берегу реки. Они переходили одну в другую и назывались по именам церквей, стоявших на каждой из них: Соборная, Рождественская и Тро-

ицкая. В середине города была самая красивая церковь, звон большого колокола которой слышен был за двадцать верст вокруг. Это Собор Рождества Богородицы являлся главным храмом города с хорами, где пели лучшие голоса. Он был поистине произведением искусства лучших мастеров архитектуры с богатой церковной утварью и славился мощами княжеской семьи Петра и Февроньи, причисленных Святым Синодом к лику святых.

Описание их «жития» очень поэтично и считается по значению близким к знаменитому «Слову о полку Игореве».

Этот небольшой уютный город вмещал еще более двадцати менее значимых церквей и три монастыря».

Говоря о своих близких, она всегда начинала от истоков и бережно хранила образы своих прародителей:

«Моя прабабушка, выполняя обет, ездила в Палестину к гробу Господню с богатыми приношениями, молитвами благодарственными и просьбами о здравии семьи. В семье сохранилась ее фотография, сидящей на ослике рядом прислужницей, сопровождающей ее в путешествии. Обе в платках и черных одеждах. Привезенная «веточка Палестины» сохранялась в киоте до полного разорения нашего дома после революции.

Мой дед по матери также как и по отцу умерли до моего рождения, и я знаю о них только по фотографиям и многочисленным рассказам родственников».

О своем детстве говорила заворожено:

«Бабушек своих помню очень хорошо - обе были трудолюбивые, незаурядные женщины, хотя и очень разные. Мать моего отца - бабушка, которую в доме все звали Кока, была кумиром моих мыслей и дел в первые, самые счастливые годы моей жизни».

Только после этих откровений Андрей понял, что невозможно исключить из жизни родственные генетические связи и небрежно относиться к памяти прародителей, которые усилиями воли, помыслами души и стремлениями к совершенству несли самое лучшее в нашу современную жизнь. И на каждом этапе во всей этой цепочке человеческих судеб требуется воля, духовность и целеустремленность, а проявление слабости и неуверенности приводит к невосполнимой потере накопленных ценностей.

Через час зашла дочь Надежды Петровны Таня с конвертом в руках.

- Мне Машенька передала, что ты сегодня заходил.

- Да... Я искренне соболезную о смерти твоей мамы.

- Хорошо, что приехал... Мама ушла тихо... и, мы не хотели... беспокоить родственников. Перед смертью она передала мне свои дневники. Там много о наших прародителях. Я и мои братья их прочитали. Мама просила показать дневники и тебе, - сказала Таня, передовая конверт.

- А мы готовимся к отъезду в Москву: через несколько дней в школу,

- тихо сказала она и, сославшись на отсутствие времени, ушла.

Андрей бережно распечатал конверт. В его руках оказались две темные кожаные тетради, наполненные мелким аккуратным подчерком.

Праздник Пасхи

Утренний свет из обрамлённого кружевными занавесками окна явился вместе с нежным голосом горничной Паши:

- Наденька, пора вставать!

Надя легко ступила на пол, подбежала к окну и раздвинула занавески. Солнечные лучи прохладного весеннего утра, прозрачный свет золотых куполов Сретенской церкви, свежесть пробуждения и тепло родного дома: всё это радостно охватило её душу. «Как хорошо!» – улыбнулась она. Большего счастья и умиротворения невозможно представить на седьмом году жизни. Быстро накинув плащ, она спустилась вниз и побежала через гостиную на кухню.

- Бабуля, можно, я помогу тебе?

Бабушка улыбнулась, она уже давно была на ногах, давала распоряжения прислуге по подготовке теста и начинки к праздничным пирогам и разнообразным закускам, которых готовилось множество. Надя как на крыльях пролетела по кухне с широкими столами и большой русской печью и выглянула на улицу из открытого окна. За надворными постройками виднелся небольшой сад с цветником и десятком яблонь: три большие и развесистые, остальные пониже – неуклюжие и тонкие маленькие трёхлетки, посаженные прошлой весной. Оттуда слышалось весёлое щебетание птиц. Аккуратные дорожки в начале сада были разделены на небольшие участки с огородными грядками и ягодными кустами. Три огромных берёзы облюбовали расквартировавшиеся недавно грачи. Два из них важно прогуливались по двору возле небольших,

не успевших высохнуть лужиц. Голубое без единого облачка небо. Надя с наслаждением вдыхала целительный и нежный весенний воздух.

Уже несколько дней шли приготовления к радостному празднику «Пасха». По традиции всё начиналось с уборки дома: до блеска перемывались полы, протиралась мебель и утварь до вазочек и узорчатых вышитых салфеточек, перетрясались постели, платья и одежды, тщательно чистилось столовое серебро, иконы, лампады. Надя знала, что ей сшили к празднику новое красивое платье из тонкой розовой шерсти и атласа, и очень хотелось скорее его надеть. Вчера она закончила подарок маме – шитьё бархатной туфельки для часов; сейчас она достала её и показала бабушке.

- Маме твоей понравится, да и часы будут всегда на месте...

Бабушка прижала ее к себе:

- Какая же умница моя внученька.

Она знала и понимала её лучше родителей. Ей нравилась пытливость, старательность и неуёмная работоспособность внучки. Она первая заметила, что всё интересовало это маленькое, растущее рядом существо, и любое проявление поиска в этой маленькой жизни радовало и придавало новые силы и ей самой. Глядя на неё, она как бы сама проживала вновь своё детство и видела себя со стороны, глубоко ощущая каждый час.

- Бабушка, мы пойдём сегодня к реке?

- Нет, милая, дел много. Попроси папу, и сразу после завтрака вместе с Лёней и идите.

- Бабушка, пока они встанут да позавтракают,... я лучше пойду с тобой в церковь.

- Хорошо, Наденька, повяжи тёплый платочек на голову.

Бабушка, уже готовая к выходу, помогла внучке накинуть легкое пальто и обе через парадное крыльце вышли на улицу.

Легкий весенний ветерок еще напоминал о минувшей прохладе, но утреннее солнце, капель и отражения домов и деревьев в широких прозрачных лужицах победно укреплял торжество будущего тепла. Воздух прохладный и сочный был особенно приятен.

Сретенская церковь, куда они направились, находилась недалеко, за поворотом метрах в ста от дома. Шли не спеша. При входе в церковь